

*ЗВЕРЕВА Полина Константиновна, аспирант кафедры гуманитарных и социальных наук Тюменского индустриального университета**

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ПРАВОВОЙ ЗАКОН»

В статье представлен авторский подход к изучению концепта «правовой закон». «Правовой закон» интерпретируется как абстрактный объект и как ментальная репрезентация. В различных правовых культурах указанный концепт имеет разные лингвистические формы. Столкновение и взаимодействие правовых культур позволяет, с одной стороны, отождествлять концепт «правовой закон» со схожими концептами, а с другой – наблюдать изменение его содержания в диахронии. Исследование текстов конституций на разных языках в разных правовых культурах – первый шаг, чтобы установить преобладающие в обществе и государстве подходы к содержанию концепта «правовой закон». Целью настоящей статьи является описание механизмов исключения из языка концепта «правовой закон» и замены другими – «размытыми» – концептами с иной шкалой ценностей. Актуальность работы заключается в том, что положенные в ее основу терминология и ее интерпретация соответствуют современной ведущей парадигме исследования философии права и языка. В работе использованы достижения когнитивных наук (аналитической философии, философии сознания, психологии, лингвистики). Теоретическая значимость исследования состоит во введении в дискуссию философии права концепта «правовой закон» в рамках обсуждения кластерного концепта «право», практическая значимость – в обсуждении и предложении критериев для концепта «правовой закон». Возможности для общества и государства признавать правовые нормы несоответствующими Конституции невозможны без утверждения доктрины «правового закона». Тем самым прикладное значение концепта «правовой закон» является многообещающим. Эмпирические данные о признании правовых норм неконституционными вместе с последующим их социально-философским анализом дают возможность для утверждения теории концепта «правового закона» в рамках общей теории ментальной репрезентации.

Ключевые слова: *правовой закон, правовое государство, верховенство права, ментальная репрезентация, конституционные ценности, судебная власть.*

В конце XX века Россия обратилась к проблеме «правового закона», привлекая интеллектуальный потенциал дореволюционной фило-

софско-правовой мысли. Конституция Российской Федерации 1993 года впервые содержала принципы и идеи построения независимой,

*Адрес: 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: polyusha@inbox.ru

Для цитирования: Зверева П.К. Социально-философский анализ концепта «правовой закон» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 74–81. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.74

суверенной России, свободного общества, правового государства, в котором права и свободы человека признаются высшей ценностью. Изучение репрезентации «правового закона» является одной из философских, социальных и юридических проблем. Тема репрезентации «правового закона» одновременно охватывает несколько важнейших и бурно развивающихся областей знаний (философия, экспериментальная психология, лингвистика и т. д.). Как следствие, возникает путаница в терминологии, используемой представителями разных научных направлений и школ. С одной стороны, можно было бы надеяться на то, что научное сообщество придет к некоторому консенсусу. С другой – сама проблема относится к вечным в силу ценностной составляющей компонентов концепта¹ «правовой закон».

Уроки истории учат тому, что наличие правил, регулирующих жизнь индивидов, лучше, чем их отсутствие. Законы нацистской Германии, лишённые нравственной составляющей, вернее сказать, нравственной доминанты «за пределами одной нации», привели к еще более ужасающим последствиям. Тем самым вопросы изучения концепта «правовой закон» выходят за рамки «философии в кресле».

Право имеет нормативный характер, «является “нормой” не потому, что оно предписывает и приказывает, а потому, что оно должно в первую очередь создать сферу собственного отношения к реальной жизни, нормализовать ее...» [1, с. 37]. А.Б. Дидикин полагает, что один из важнейших структурных элементов – правовая реальность – «отражается в юридическом языке иначе, чем иные объекты в мире <...> понятийный аппарат в правовой сфере формируется на основе базовых философских категорий аналитической философии» [2, с. 66].

Роберт Алекси приводит следующую цитату из решения Федерального Конституционного

суда ФРГ о развитии права посредством судебной практики и вопреки дословному тексту закона: «Право не идентично совокупности писанных законов. Наряду с писаными законами государственной власти при определенных обстоятельствах может существовать иное право, которое имеет свой источник в конституционном правопорядке в качестве смыслового целого и по отношению к писаному закону может действовать как средство исправления или улучшения. Найти его и применить в решении – задача судебной власти...» [3, с. 9].

Проявление права, закона, правовой реальности выражается в текстовом виде, в том, что «все реальные законы представляют собой условные предписания должностным лицам по применению санкций. Все они выражены в следующей форме: “Если нечто вида X совершено, или упущено, или случилось, то примени санкцию вида Y”» [4, с. 44]. Примером исключительной важности концепта «верховенство права» может служить дело Верховного суда США². В этом деле для юридических и политических философов одним из элементов, представляющих особый интерес, была постоянная ссылка в публичных обращениях почти всех участников к почтенному идеалу, называемому «верховенство закона». Противоборствующие стороны делали сотни ссылок на «верховенство закона», при этом часто противоречили друг другу. Одни комментаторы осуждали решения суда как противоречащие верховенству закона, другие говорили, что он добился справедливого баланса между правами кандидатов, избирателей и прерогативами выборных должностных лиц [5].

Возвращаясь к российской судебной власти, процитируем судью Конституционного суда РФ Г.А. Гаджиева: «...*реальность права* – это реальность юридических актов, исходящих от нормотворческих, властных органов государства

¹В русскоязычной традиции, как правило, вместо термина «концепт» используется «понятие», что для исследовательских целей является ошибочным, поскольку затрудняет объяснение парадигмы концепт – концепция – концептуальный анализ и т. д.

²Bush v. Gore 531 US 98 (2000). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/531/98/> (дата обращения: 08.02.2017).

<...> правовая реальность не ограничивается реальностью существующих юридических норм <...> это и реальность правосознания, как отдельного человека, так и общества в целом» [6, с. 80]. Для определения закона как *правового закона* предлагаем воспользоваться правилом, взятым у Платона: «...существуют определенные идеи, названия которых получают приобщающиеся к ним другие вещи; например приобщающиеся к <...> справедливости – справедливыми...»³. Тем самым законы, в наибольшей мере приближенные к праву, являются правовыми законами.

Определение концепта «право», как и его обоснование, является одним из главных вопросов философии права на протяжении нескольких столетий. Возражения, которые возникли вокруг обоснованности определения «сверхкрупного» концепта «право», предоставляют возможность для изучения концепта «правовой закон». Полагаем, что не вызовет серьезных возражений подчиненное место концепта «правовой закон» в иерархии концепта «право». Такое же подчиненное положение по отношению к концепту «право» занимают концепты «правовое государство» и «верховенство закона». Для более точного описания концепта «правовой закон» мы будем проводить разграничения концептами «правовое государство» и «верховенство закона».

В представлении (индивидуальном, коллективном, национальном) «*правовой закон*» – это такой закон, который стремится стать «*идеальным законом*», прототипом которого в реальной жизни индивидуумов и общества является действующая Конституция. В нашем исследовании необходимо учитывать эволюцию взглядов в обществе и государстве на разных этапах исторического развития. К примеру, рабовладение в США несколько столетий назад мало согласуется с провозглашенными конституционными принципами; ограничение избирательных прав

«цветного» населения в прошлом столетии также выглядит сегодня недопустимым и противоречит не только принципам «*правового закона*», но и здравому смыслу.

К пережиткам, мало совместимым с конституционными принципами, относится известный в России институт «прописки-регистрации». Как полагает В.А. Четвернин, «объем и содержание свободы, которая признается минимальной и неотъемлемой в конкретной культуре, определяются развитостью этой культуры. В неразвитой культуре не может быть всех тех прав человека, которые в развитой признаются неотъемлемыми правами <...> в неразвитой правовой культуре может не быть свободы передвижения и поселения в ее современном понимании...»⁴.

Исследование И.А. Карасевой посвящено изучению проблематики конкуренции конституционных ценностей: «...Конституция любого государства содержит определенный набор *идей, целей, принципов*, выражающих интересы как всего общества в целом, так и отдельных индивидуумов <...> со временем появилась необходимость в создании нового инструмента для разрешения возникающих проблем. Такой инструмент был создан и воплощен в виде конституционных ценностей» [7, с. 6]. Автор формулирует «*конституционные ценности*» как «блага, воплощенные в различных юридических формах (нормах-принципах, правах и свободах, иных нормах наиболее общего характера), закрепленные в конституции и выводимые из ее содержания путем официального толкования» [7, с. 16]. Изучаемый нами концепт «правовой закон» также содержит ценностные компоненты, которые и позволяют определять правовой/неправовой характер закона.

Н. Стефанополус и Т. Гинзбург полагают, что концепты выступают строительными блоками правовой доктрины, а все юридические правила и стандарты, по сути, формируются путем объединения концептов разными способами.

³Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М., 1993. Т. 2. С. 351.

⁴Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учеб. пособие. М., 2003. С. 56.

По мнению авторов, закон направлен на продвижение *ценностей*, таких как справедливость, честность или демократия, не являющихся по своему характеру юридическими. Между тем такие *ценности* обеспечивают контрольные показатели, по которым можно измерить правовые системы, и могут подвергаться анализу в области социальных наук [8, р. 149].

Мы полагаем, что в обществе, как и в сознании индивидуума, по мере утверждения представления о *законе* как о *правовом законе* уменьшится сама возможность злоупотребления полномочиями со стороны властей. Неправовые, несправедливые законы станут общественно порицаемыми. Законодатель, предлагающий явно *несправедливый*, противоречащий Конституции закон, также должен осознавать неблагоприятные последствия. Судья, в свою очередь, применяя такой *неправовой закон*, должен осознавать последствия вынесения неправосудного решения (приговора).

Вопросы совершенствования Конституции связаны с международно-правовыми обязательствами стран, подписавших Всеобщую декларацию прав человека. Примером контроля за национальной правоприменительной и правотворческой деятельностью со стороны наднациональных органов является работа Венецианской комиссии. На национальном уровне приведению законов к *правовым* способствуют общественно-политическая активность граждан, обращения в Конституционный суд, Европейский суд по правам человека и т. п. Примером языкового выражения, не имеющего установленного законом или словарного определения, является концепт «*верховенство права*».

Венецианская комиссия предложила следующее определение *верховенства права* в «отношении основополагающих элементов верховенства права (*Rule of Law*)», а также в отношении

Rechtsstaat и *Etat de droit*. Эти элементы являются не только формальными, но также предметными или материальными (*materieller Rechtsstaatsbegriff*). Это: (1) Законность, включающая в себя транспарентный, подотчетный и демократический процесс законотворчества; (2) Правовая определенность; (3) Запрет произвола; (4) Доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах, включая судебный контроль над административными актами; (5) Уважение прав человека; и (6) Недискриминация и равенство перед законом»⁵.

В понимании В.С. Нерсесянца, *правовое государство* и *правовой закон* (как и государство и право вообще) – не самоцель, а социально-исторически обусловленные всеобщие и необходимые формы выражения, организации и упорядочения свободы в общественных отношениях людей [9, с. 59]. В.А. Четвернин полагает, что «*правовые законы* устанавливают запреты ради обеспечения правовой свободы: по праву может быть запрещено (и должно быть запрещено) то, что несовместимо с равной свободой всех, нарушает свободу других»⁶. Он предупреждает, что «один из видов правовых явлений – *правовые законы*, а не просто законы. *Правовой закон* – это содержательная характеристика закона, но это не форма права. Нечто правовое не может быть формой права. В данном случае форма права – это закон, т. е. закон как таковой, официальный акт. Причем сам по себе официальный акт может иметь и неправовое содержание, может быть формой выражения властного произвола»⁷.

По мнению судьи Конституционного суда РФ Г.А. Жилина, «*законы не всегда адекватно выражают право*, в связи с чем от правовых необходимо отличать неправовые законы, которые законодателем не должны приниматься, а судами – применяться <...> *Принимаются правонарушающие законы*, право явно отождествляется

⁵Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права, принятый на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 11–12 марта 2016 г.). CDL-AD(2016)007. URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2016\)007-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)007-e) (дата обращения: 08.07.2016).

⁶Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. С. 55.

⁷Там же. С. 164.

с законодательством, что есть все тот же легизм и правовой нигилизм» [10].

Возможное объяснение поддержания и воспроизводства государством противоправных законов находим у Н. Рулана: «...современное государство часто прибегает к мифам, чтобы самоутвердиться <...> мифы в таком случае призваны дать такое представление о государстве, которое в наибольшей степени отвечало бы его интересам. Как мы увидим, закон и кодексы служат при этом в качестве инструментов» [11, с. 247]. Р. Норбер полагает, что среди мифов современного мира, что активно формируются и поддерживаются властью, – мифы о неизменности Конституции.

Отметим, что власть в публичном дискурсе реализует ряд различных дискурсивных технологий, таких как *исключение*. Общеизвестным является тот факт, что в современном информационном мире те вопросы, которые мы не обсуждаем, не существуют и в коллективном представлении. Используемые дискурсивные приемы и методы ведут к тому, что занижается ценность идеи прав человека и близких ей смысловых категорий, ранее устоявшихся понятий, подменяется их первоначальное значение на новое, зачастую даже противоположное. Действие законов направлено в будущее, хотя бы и вызвано стремлением придать сложившейся практике правовую основу. Одним из методов конструирования социального мира выступает «подмена» прошлого.

Касаясь использования дискурсивных технологий, С.Н. Плотникова указывает, что «дискурсивное конструирование прошлого мира – дискурсивная репрезентация фактичности мира, отличающейся от его документально зафиксированной фактичности, наблюдавшейся в момент формирования данного мира во всей взаимосвязи и взаимообусловленности имевших место фактов <...> дискурсивное конструирование проявляется также в технологии создания новой

фактичности прошлого, когда зафиксированные факты подменяются фактами, специально скомбинированными из фактов прошлого, или даже полностью вымышленными конструктами» [12, с. 82]. Современные технологии предоставляют возможность для моделирования (репрезентации) «полностью вымышленной» действительности, отличающейся от фактической, поскольку дискурсивные технологии позволяют менять не только настоящее и будущее, но и прошлое.

Конституционный суд РФ в своих постановлениях не употребляет терминов «правовой» или «неправовой закон»: «...в силу специфики конституционного судопроизводства критерием при решении вопроса о дисквалификации закона или отсутствии для этого оснований служит Конституция РФ. В резолютивной части решения должен содержаться вывод о конституционности или неконституционности закона» [13, с. 20]. Практика работы Конституционного суда РФ, особые мнения судей, документы Венецианской комиссии, касающиеся России, подтверждают наши доводы о том, что в современной России имеются проблемы как с пониманием *правового закона*, так и с воплощением его в жизнь. В соответствии с Конституцией РФ издаваемые законы не могут быть *неправовыми*. Развитие Конституции РФ, заложенных в ней идеалов, принципов, ценностей является актуальной задачей для государства, гражданского общества и граждан.

Мы обратились к Национальному корпусу русского языка⁸ и выяснили, что словосочетание «правовой закон» в нем отсутствует. Отсутствие в законодательстве другого словосочетания – «верховенство права» – не является препятствием для его повсеместного использования как в российском праве, так и международном. Обращение к справочно-правовой системе «Гарант» указывает на то, что вместо словосочетания «правовой закон» активно

⁸Национальный корпус русского языка. URL: http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&my sent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%F0%E0%E2%EE%E2%EE%E9+%E7%E0%EA%EE%ED (дата обращения: 14.05.2017).

используются следующие выражения: «соответствие нормативного правового акта закону» (число употреблений – 704 491), «правовая основа закона» (194 451).

Под «соответствием праву» понимается соответствие закона федеральным законам, которые и воспринимаются как право по отношению к региональным законам. Соотношение понятий «правовой закон» и «законное право» (2 195 298) показывает, что в сознании российского общества существует разрыв между значениями слов «право» и «закон». Полагаем, что отсутствие в концепте «закон» его ядерного компонента «правовой» и замена слова «правовой» на «соответствующий закону» ведет к утрате смысла права.

По словам Нобелевского лауреата по экономике Фридриха Хайека, «в некоторых странах основные принципы *правозаконности* сведены в Билль о правах или в Конституцию. В других они действуют просто в силу установившейся традиции. Это не так уж важно. Главное, что эти принципы, ограничивающие полномочия законодательной власти, какую бы форму они ни принимали, подразумевают признание неотъемлемых прав личности, прав человека» [14, с. 100].

Для того чтобы концепт «правовой закон» воспроизводился, необходимо предварительное присутствие представления о правовом законе в ментальных структурах сознания индивидуума. Человек в своем сознании содержит *образы* того, что составляет концепт «правовой закон» с его ядерными и периферийными полями, и формирует новое представление, после чего происходит (не происходит) их отождествление. Язык является когнитивной деятельностью, при этом процессы мышления основываются на многочисленных хранящихся в памяти структурах, выступающих способом «представления стереотипной ситуации» и обеспечивающих ее адекватную когнитивную обработку.

В своем исследовании мы столкнулись с тем, что понятие «*правовой закон*» отсутствует в широком употреблении в языке, притом что «*верховенство права*» (или «*верховенство закона*» – в том же значении) используется повсеместно. Мы предлагаем следующее объяснение этому. Концепт «правовой закон» входит в сверхкрупный концепт «право» наряду с концептами «верховенство права» и «правовое государство», что доказывается методом, предложенным Робертом Алекси, – методом экспликации [15, с. 24], конструирования перформативных противоречий. Например, фиктивная первая статья Конституции X содержит «X есть демократическое федеративное (не) *правовое* государство с республиканской формой правления». Абсурдность из противоречия между тем, что в действительности создает Конституцию, а именно правовое государство, имеет следствием то, что в *правовом государстве* должны действовать *правовые законы*.

Мы полагаем, что концепт «правовой закон» в диахронии меняет свое содержание подобно тому, как меняется содержание Конституции. Вместе с тем даже отсутствие в законодательстве определения *правового закона* не должно препятствовать толкованию законов как правовых или неправовых и требует анализа конкретных правовых отношений. В отличие от концепта «право» предлагаемый к обсуждению концепт «правовой закон» не нуждается в разукрупнении, что сближает его с такими концептами, как «верховенство права», «правовое государство» и др. Современной отличительной чертой концепта «правовой закон» выступает соответствие «правового закона» Конституции демократического и правового государства. Наше исследование является вкладом в непрекращающиеся и пока малоразрешимые дискуссии вокруг главенствующих юридических концептов «право», «правовое государство» и «верховенство права».

Список литературы

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011. 256 с.
2. Дидикин А.Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3: Обществ. науки. 2015. № 4. С. 66–72.
3. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А. Лаптева, Ф. Кальшойера, М., 2011. 192 с.
4. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб., 2007. 302 с.
5. Waldron J. Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (in Florida)? // Law and Philosophy. 2002. Vol. 21, № 2. P. 137–164.
6. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): моногр. М., 2013. 320 с.
7. Карасева И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.
8. Stephanopoulos N., Ginsburg T. The Concepts of Law // Univ. Chic. Law Rev. 2017. Vol. 84, № 1. P. 147–175.
9. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М., 1996. 157 с.
10. Жилин Г.А. Соотношение права и закона // Рос. юстиция. 2000. № 4. С. 8–10.
11. Рулан Н. Юридическая антропология / пер. с фр. В.С. Нерсесянц. М., 1999. 310 с.
12. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестн. Москов. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 3(714). С. 72–83.
13. Зеленко Б.И. О правовой демократии в РФ, власти и социуме // Вопр. философии. 2013. № 10. С. 13–22.
14. Хайек Ф.А. Дорога к рабству: пер. с англ. М., 2005. 264 с.
15. Алекси Р. Природа философии права // Проблемы философии права. 2004. Т. II. С. 19–26.

References

1. Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow, 2011. 256 p.
2. Didikin A.B. Sledovanie pravilu i yuridicheskiy yazyk: argumenty realizma i antirealizma [Rule-Following and Legal Language: Arguments of Realism and Antirealism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki*, 2015, no. 4, pp. 66–72.
3. Alexy R. *Begriff und Geltung des Rechts*. Freiburg, 1992 (Russ. ed.: Alexi R. *Ponyatie i deystvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu)*. Moscow, 2011. 192 p.).
4. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford, 1961 (Russ. ed.: Khart G.L.A. *Ponyatie prava*. St. Petersburg, 2007. 302 p.).
5. Waldron J. Is the Rule of Law an Essentially Contested Concept (in Florida)? *Law Philos.*, 2002, vol. 21, no. 2, pp. 137–164.
6. Gadzhiev G.A. *Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitel'nosti)* [The Ontology of Law (a Critical Study of the Legal Concept of Reality)]. Moscow, 2013. 320 p.
7. Karaseva I.A. *Konkurentsia konstitutsionnykh tsennostey v praktike Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii i konstitutsionnykh sudov zarubezhnykh stran* [The Competition of Constitutional Values in the Practice of the Constitutional Court of Russia and Constitutional Courts of Other Countries]. Moscow, 2014. 30 p.
8. Stephanopoulos N., Ginsburg T. The Concepts of Law. *Univ. Chic. Law Rev.*, 2017, vol. 84, no. 1, pp. 147–175.
9. Nersesyants V.S. *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [Law Is the Mathematics of Freedom. Past Experience and Prospects]. Moscow, 1996. 157 p.
10. Zhilin G.A. Sootnoshenie prava i zakona [The Law–Legal Act Ratio]. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2000, no. 4, pp. 8–10.
11. Rouland N. *Anthropologie juridique*. Paris, 1988 (Russ. ed.: Rulan N. *Yuridicheskaya antropologiya*. Moscow, 1999. 310 p.).
12. Plotnikova S.N. Diskursivnye tekhnologii i ikh rol' v konstruirovanii sotsial'nogo mira [Discourse Technologies and Their Role in the Construction of the Social World]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 72–83.

13. Zelenko B.I. O pravovoy demokrati v RF, vlasti i sotsiume [On Legal Democracy in Russia, Power and Society]. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 10, pp. 13–22.
14. Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. Chicago, 1944 (Russ. ed.: Khayek F.A. *Doroga k rabstvu*. Moscow, 2005. 264 p.).
15. Alexy R. Priroda filosofii prava [The Nature of the Philosophy of Law]. *Problemi filosofii prava*, 2004, vol. 2, pp. 19–26.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.74

Polina K. Zvereva

Industrial University of Tyumen;
ul. Volodarskogo 38, Tyumen, 625000, Russian Federation;
e-mail: polyusha@inbox.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF THE RULE OF LAW

This article presents the author's approach to the study of the concept of the *rule of law* (in Russian, *pravovoy zakon*). The rule of law is interpreted here as an abstract object and as a mental representation. In different legal cultures, this concept takes different linguistic forms. The clash and interaction between legal cultures allows us, on the one hand, to identify the rule of law with similar concepts and on the other, to observe the changes in its content in diachrony. Studying the texts of constitutions in different languages and legal cultures is the first step towards identifying the approaches to the content of the rule of law in a country or a society. This paper aimed to describe the mechanisms of excluding the concept of the rule of law from a language and replacing it with other, diffuse concepts with a different scale of values. This research is based on the terminology and its interpretation which correspond to the current leading paradigm of studying the philosophy of law and language. This article turned to the findings of cognitive sciences (analytic philosophy, philosophy of mind, psychology, and linguistics). The theoretical importance of the research lies in the fact that it introduces the concept of the rule of law into the discussion of the philosophy of law as part of the discussion of the cluster concept of law. In terms of practice, the paper suggests criteria for the concept of the rule of law. For a state or a society to be able to recognize legal norms as unconstitutional, the doctrine of the rule of law has to be established. Thus, the concept of the rule of law can have wide practical application in the future. Empirical evidence on finding certain legal norms unconstitutional, with their subsequent socio-philosophical analysis, allows us to establish the theory of the concept of the rule of law within the general theory of mental representation.

Keywords: *rule of law, rule-of-law state, supremacy of law, mental representation, constitutional values, judiciary.*

Поступила: 26.03.2017
Received: 26 March 2017

For citation: Zvereva P.K. Socio-Philosophical Analysis of the Concept of the Rule of Law. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 6, pp. 74–81. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.6.74